

Будучи бесплотным духом, Цзян Кай не должен был чувствовать ни тепла, ни холода.

Однако, когда запись оборвалась, его пробрал ледяной озноб, и он долго ещё стоял, оцепенело глядя в пустоту.

Давно перешагнувший юношеский возраст Цзян Кай словно вновь очутился в том далёком душном лете. Дом Сы Юя был дряхлым, бытовая техника доживала свой век, и если прислушаться, в комнатах всегда стоял монотонный, утомляющий гул.

— И всё же... — с мучительным усилием выдавил он. — Он ведь мне помог. Тогда, в самом начале.

Это была последняя соломинка, за которую он отчаянно цеплялся. Неважно, какие цели преследовал Сы Юй и о чём размышлял, пока они жили под одной крышей, в тот страшный день, когда родители выставили подростка за порог, именно Сы Юй дал ему кров.

При этих словах лица господина Шэня и господина Ланя на мгновение сделались непроницаемыми. Лань-сяньшэн негромко спросил:

— А ты не задумывался, как сложилась бы твоя жизнь, не появился он тогда?

— Я...

— Помнишь дедушку Ду?

Цзян Кай растерянно моргнул:

— Помню, конечно.

В те времена, когда Цзян Кай ещё ютился с родителями, дедушка Ду жил по соседству. Он терпеть не мог повадки его отца с матерью и всегда, сколько помнил себя мальчик, старался его поддержать и защитить.

Жаль только, что когда возмужавший Цзян Кай попытался отыскать старика, того уже не было в живых.

— В базе данных системы RD2813 сохранились любопытные сведения, — продолжил господин Лань. — После твоего исчезновения дедушка Ду с ног сбился в поисках. Он несколько раз заявлял в полицию. Если бы не вмешательство системы, все эти три года в старших классах ты прожил бы у него под видом дальнего родственника. Спокойно отучился бы, пока твои настоящие родственники из клана Цзян наконец не вышли бы на твой след.

Цзян Кай промолчал.

— Учитель Цзун, — обратился он теперь к Цзун Жую, — не знаю, пытается ли господин Лань просто подсластить пилюлю. Но дедушка Ду и впрямь был золотым человеком. Журналисты потом писали, что он до конца своих дней анонимно помогал сиротам и бедным студентам.

Разум безжалостно твердил, что всё это правда. Но сердце упрямо отказывалось верить.

Как же так? Пускай его судьба и обещала быть тернистой, она всё равно вывела бы его к свету. Но явились Система с Сы Юем, бесцеремонно перекроили чужую жизнь и превратили её в руины.

Всё это время Цзун Жуй слушал молча. Лишь теперь он негромко заговорил:

— Раз старик так пёкся о тебе до самого последнего вздоха, он наверняка хотел лишь одного: чтобы ты обрёл счастье и жил полноценной жизнью.

Цзян Кай крепче сцепил побелевшие пальцы и тихонько кивнул.

— Не знаю твоего точного возраста, но ты, кажется, помладше меня? — продолжал Цзун Жуй.
— Ты ещё совсем молод, впереди целая жизнь. Пусть прошлое останется в прошлом. Разумеется, советовать легко, а каково это воплотить на деле... Но верю: в твоём мире обязательно найдётся то, что поможет залечить эти раны. Поначалу придётся несладко, придётся буквально заставлять себя переключаться на что-то новое, искать отдушину. Но со временем каждый новый день будет приносить всё больше лёгкости.

Слушая его, Цзян Кай слабо улыбнулся. И в этой улыбке впервые сквозило настоящее, искреннее облегчение.

— Спасибо вам, — искренне произнёс он. — Я буду очень стараться. И вам желаю счастья. Пусть в вашей жизни больше никогда не появится этот Сы Юй.

Цзун Жуй усмехнулся:

— О нём можно не беспокоиться, этот человек стёрт из нашего уравнения.

Он в нескольких словах обрисовал, как господа Шэнь и Лань помогли ему развязаться с незванным гостем раз и навсегда.

Цзян Кай облегчённо вздохнул:

— Какое счастье. Я так рад за вас.

— Да, мне повезло... — начал было Цзун Жуй, но внезапно осёкся, уловив тихий щелчок открываемой двери.

Разговор с Цзян Каем мгновенно вылетел у него из головы. Цзун Жуй резко вскочил, обернулся и поспешил к выходу из гостиной.

«Юнь Ваншу!»

Это имя яркой вспышкой заполнило все его мысли и заставило сердце затрепетать.

Ещё минуту назад Цзун Жуй уверял себя, что готов безропотно отпустить юношу. Но стоило неизбежному разрыву подобраться вплотную, как вся его напускная безмятежность рассыпалась в прах.

Цзян Кай, оставшийся у стола, удивлённо приподнял брови, провожая его взглядом, и тепло улыбнулся. Пусть рассказы Системы про «параллельных двойников» оказались дешёвым враньём, для него и учитель Цзун, и господин Юнь, и те двое, кто уже ушёл в мир иной, навсегда останутся братьями по несчастью. И раз уж эти двое сумели отыскать свою тихую гавань, то и он, вернувшись домой, непременно со всем справится.

Апартаменты господ Шэня и Ланя отличались завидным простором, однако гостиная, где велась беседа, была невелика. Цзун Жую хватило пары стремительных шагов, чтобы очутиться у самого порога.

— Ицзин! — вырвалось у него, едва створка приоткрылась.

Но в комнату вошёл совсем другой человек.

Цзун Жуй осёкся и поспешно поправился:

— Господин Шэнь.

Шэнь-сяньшэн смерил его привычным невозмутимым взглядом, едва заметно кивнул и тут же обернулся к коридору.

Цзун Жуй слишком хорошо изучил этот жест за время их знакомства: хозяин дома ждал своего партнёра, Лань-сяньшэна.

От этой мимолётной догадки внутри всё оборвалось.

«А где же Юнь Ваншу? Почему он не идёт следом?»

Неужели испугался встречи? Нет, глупости. Столько пережив бок о бок, Цзун Жуй успел разглядеть душу юноши и знал наверняка: тот дорожил им, видел в нём близкого друга, если не названного брата.

Тогда оставалось лишь одно горькое объяснение.

Предстоящая разлука далась Юнь Ваншу слишком тяжело. Не в силах вынести сцены прощания, он предпочёл уйти тайно, не оборачиваясь.

«Если так ему будет легче... мне стоит просто принять его выбор», — уныло подумал Цзун Жуй.

Внезапно из коридора донёсся мягкий голос господина Ланя:

— Господин Юнь, почему вы застыли на пороге? Проходите же.

Цзун Жуй ошеломлённо замер.

Когда до его сознания наконец дошёл смысл услышанных слов, сердце пустилось вскачь, бешено колотясь в груди. Он вперился взглядом в дверной проём.

— Да, — отозвался чистый, непривычно ясный, но до боли знакомый голос. — Иду... Ой! Брат Цзун!

Юнь Ваншу никак не ожидал столкнуться с Цзун Жуюем прямо у самого входа.

Они замерли друг напротив друга. Цзун Жуй во все глаза разглядывал стоящего перед ним юношу.

Раньше он часто гадал, как выглядит его названный брат. Когда у Юнь Ваншу пробудилась вторая способность, тот умудрился набросать кистью собственный портрет и с гордостью преподнёс его другу. Вот только традиционная живопись гохуа славится не портретным сходством, а передачей неуловимого духа. Рассматривая парящий в воздухе лист рисовой бумаги, Цзун Жуй отдал должное тончайшему мастерству: изящные штрихи, благородная осанка, едва уловимый налёт храмовой строгости... Но составить по этим туманным размывам точное представление о реальном облике было попросту невозможно.

И вот теперь Юнь Ваншу стоял прямо перед ним во плоти. Никакой жуткой мертвенной бледности, которой обычно щеголяли зомби в фильмах ужасов. На Цзун Жую открыто и доверчиво смотрело поразительно красивое, живое лицо с тонкими, изящными чертами.

Заметив Цзун Жуя на пороге, юноша сперва растерялся, но тут же расплылся в широкой, по-детски искренней улыбке.

Однако Цзун Жуй прекрасно понимал: обречённый на скорый уход Юнь Ваншу просто не мог радоваться от всей души. Он улыбался лишь ради того, чтобы подбодрить друга.

И раз уж юноша так отчаянно старался казаться весёлым, Цзун Жуй не имел права раскисать и расстраивать его в ответ.

С трудом подавив подступивший к горлу ком, Цзун Жуй заговорил, торопливо выплёскивая всё, что так долго копилось на душе:

— ... Раз уж ты способен подчинять себе заражённых, то, если жизнь покажется беспросветно тоскливой, попробуй использовать этот дар как козырь. С его помощью ты сможешь наладить контакт с выжившими. Стоит им узнать о твоих способностях, как тебя примут с распростёртыми объятиями и усадят на самое почётное место. Но умоляю, не верь им до конца. Ицзин, будь начеку. Ты невероятно силён, и одолеть тебя в честном бою практически невозможно, но подлость людская не знает границ...

Хоть Цзян Кай по какой-то неведомой причине гостил здесь уже довольно долго, горький опыт генерала Лу Тина и Людвиг подсказывал: у Юнь Ваншу в запасе от силы пара минут, а значит, нужно спешить. Боясь упустить драгоценные мгновения, Цзун Жуй даже не сдвинулся с места, лавиной обрушивая на юношу напутственные слова.

Выслушав эту сбивчивую тираду, Юнь Ваншу удивлённо хлопнул ресницами, и его улыбка стала ещё шире. Только теперь Цзун Жуй заметил, какими пухлыми и розовыми были его губы, приоткрывавшие крохотный острый клык во время смеха.

— Брат Цзун, посмотри-ка на меня повнимательнее, — весело попросил он.

«Глупый, да я и так не свожу с тебя глаз, — с нежностью подумал Цзун Жуй. — Твой облик теперь навечно запечатлён в моей памяти».

Но раз уж Ицзин настаивал, он взгляделся пристальнее. Тонкие запястья, изящная линия шеи — всё выдавало в нём отпрыска благородного рода.

Как-то раз, когда они мысленно переносились мимо крестьянских угодий, юноша обмолвился:

— Отец частенько брал меня с собой на заливные поля сажать рис. Говорил, что нам, выходцам из клана Юнь, мало прижимать к сердцу священные свитки с изречениями мудрецов — нужно твёрдо стоять ногами в грязи. Только так можно по-настоящему понять тяготы простого люда.

Родовые поместья, верные названные братья... Юный господин из именитого клана,

неизбалованный и готовый к любым трудностям, с приходом апокалипсиса хлебнул горя сполна. Слишком много испытаний выпало на его долю.

Под столь пристальным взглядом, длившимся, казалось, целую вечность, Юнь Ваншу наконец смущённо кашлянул:

— Ну... заметил что-нибудь странное?

Цзун Жуй лишь тяжело вздохнул и тихо пообещал:

— Ицзин, я тебя никогда не забуду. И знай: если в своём мире ты вдруг вспомнишь обо мне... я в то же самое мгновение буду думать о тебе.

Юнь Ваншу на мгновение лишился дара речи.

По правде говоря, он немного робел подходить к Цзун Жую вплотную. Одно дело — парить бесплотным, невидимым духом, когда никто не может разглядеть краску на твоих щеках, и совсем другое — явиться перед ним во плоти, боясь выдать волнение непослушным жестом или прерывистым вздохом.

Но нелепая слепота друга заставила его позабыть о всяком смущении. Шагнув вперёд и сократив разделявшее их расстояние, он упрямо заглянул Цзун Жую в глаза:

— Да посмотри же ты внимательнее! Ну? Совсем ничего не видишь?

Столь настойчивый напор наконец заставил Цзун Жую заподозрить неладное.

Он медленно, с головы до ног, оглядел юношу. И тут его будто обухом по голове ударило: в отличие от призрачного силуэта Цзян Кая, фигура Юнь Ваншу не просвечивала. Сквозь него нельзя было разглядеть ни узоры на обоях, ни контуры коридорных стен.

Догадка вспыхнула в разуме Цзун Жую ослепительной молнией, его зрачки мгновенно расширились от шока.

Юнь Ваншу, не сводивший с него лукавого взгляда, тут же уловил эту перемену. Он победно хмыкнул:

— Наконец-то до тебя дошло, брат Цзун! Я ведь... Ой!

Цзун Жуй преспокойно опустил руку.

За то время, пока остатки души Юнь Ваншу томились в медицинском контейнере, у Цзун Жуя выработалась неискоренимая привычка легонько постукивать пальцами по стеклу. И теперь, прежде чем разум успел взвесить все «за» и «против», рука послушно взметнулась вверх, и согнутый указательный палец ощутимо щёлкнул юношу по лбу.

Удар вышел совсем не сильным, пустяковым, но его хватило, чтобы подтвердить невероятную догадку.

Юноша перед ним был плотным и осязаемым.

Кхм, точнее...

Он был самым настоящим, живым человеком, а вовсе не бесплотным призраком.

<http://bllate.org/book/18254/1753985>